

В деревне Люси большинство жителей зарабатывали на жизнь земледелием. Зимой, когда работы на полях не было, люди отдыхали. Но были и те, кто не мог позволить себе бездельничать. Охотники в деревне даже зимой отправлялись в горы каждые несколько дней, проверяли ловушки и приносили домой несколько пойманных кроликов. Если везло, они могли встретить по пути фазана, косулю или даже кабана. Конечно, иногда им встречались голодные медведи, которых потревожили во время зимней спячки, их глаза сверкали синим голодным огнем.

Помимо охотников без дела не сидел и Цю Хэнянь. Он был деревенским кузнецом, и его мастерская находилась на западной окраине деревни. Благодаря хорошему мастерству и качественным материалам к нему приходили не только местные жители, но и люди из соседних деревень, а иногда даже из города специально приезжали, чтобы заказать у него работу.

Эту кузницу ему передал старый деревенский кузнец по фамилии Ван, которого все просто называли Кузнец Ван. Никто уже не помнил его полного имени. Примерно четыре или пять лет назад, зимой, когда Кузнец Ван, закончив работу, закрывал мастерскую и шел домой вдоль реки, он нашел в сугробе полуживого замерзшего человека. Этим человеком был Цю Хэнянь.

Хотя половина лица найденного мужчины была покрыта кровью, и вид у него был пугающий, Кузнец Ван все равно притащил его домой и позвал деревенского лекаря. Тот сварил травы, и по капле вливал их больному в рот, пока тот не пришел в себя.

Очнувшийся Цю Хэнянь не помнил, откуда он пришел и зачем, но его имя осталось в его памяти.

Эта история вызвала бурные обсуждения в деревне. Кто-то предположил, что он мог быть солдатом, сбежавшим из армии. Но другие утверждали, что война уже закончилась несколько месяцев назад, самые тяжелые времена остались позади, и вряд ли бы кто-то еще бежал. Кроме того, на нем не было никакой брони или оружия — он был одет просто, как обычный человек, и, возможно, был охотником из соседней деревни, которому не повезло заблудиться в горах.

Один из жителей деревни не соглашался с предыдущим утверждением:

«Хотя его лицо и изуродовано, выглядит пугающе, но посмотри на ту половину, что не повреждена, и на его манеры, походку — он явно не из простой семьи».

Другой житель добавил:

«Если он из богатой семьи, возможно, за ним скоро придут. Не может быть, чтобы они так просто оставили его. Поживем — увидим».

Ожидание затянулось на месяц-два, но никто так и не объявился.

Однажды в кузнице, когда Цю Хэнянь пришел помочь, Кузнец Ван, напрягая свой сиплый голос, сказал:

«Раз уж так вышло, что у меня нет наследников, будь моим сыном, похорони меня, когда время придет. А после, кузница будет твоей. Искусству кузнечного дела, которое я никому не хотел передавать, я научу только тебя».

Цю Хэнянь согласился, и с тех пор он стал сыном Кузнеца Ван.

Проснувшись и не открывая глаз, Цин Янь пытался в уме упорядочить все сведения о Цю Хэняне. Но среди них не было ничего, что касалось бы его истинного происхождения. Цин Янь предположил, что тот мог быть потомком обедневшего знатного рода или незаконнорожденным сыном, которого в семье не признавали. Возможно, он пережил какое-то несчастье и оказался здесь. Но раз за все эти годы никто так и не появился, значит, его, вероятно, окончательно забыли.

Цин Янь не чувствовал сожаления по поводу утраченного, возможно, знатного происхождения своего мужа. Ведь если бы Цю Хэнянь не оказался в трудных обстоятельствах, то свадьба с ним бы не состоялась, и Цин Янь не получил бы этот неожиданный подарок судьбы. Хотя мастерство Цю Хэняня в любовных делах оставляло желать лучшего, да и денег у него не было, Цин Янь ценил его за редкие качества и характер.

В его жизни были крупные выигрыши и богатство, а также бедность в детстве. Он испытал взлеты и падения. Цин Янь знал, что порой ведет себя капризно, но старался делать это только в разумных пределах и не был чрезмерно требовательным. Более того, он верил, что с Цю Хэнянем они смогут вместе сделать свою жизнь лучше.

Поспав почти целый час, Цин Янь открыл глаза и увидел на краю кровати старую, но чистую одежду. Наконец, он смог сменить свою короткую свадебную одежду. Одежда была великовата, но все же подходила.

Он встал с кровати, стараясь не морщиться от боли ниже спины. Боль была еще ощутимой, но уже не такой невыносимой, как раньше. Медленно двигаясь по комнате, он заметил, что Цю Хэнянь куда-то ушел, и в доме было тихо. Цин Янь отодвинул грубую ткань шторы и открыл половину окна, впуская свежий воздух. Солнечный свет залил комнату.

Цин Янь наконец смог хорошенько рассмотреть эту комнату. Он находился в спальне, площадью примерно тринадцать-четырнадцать квадратных метров. Пол был земляным, но стены сложены из кирпича. Деревянные окна были целыми, но красная краска на них облупилась и почти полностью сошла.

Рядом с кроватью стоял столик с бронзовым зеркалом, у дверного проема находилась деревянная стойка для умывания с медным тазом, наполненным наполовину чистой водой. На перекладине висело два полотенца — одно новое, другое старое. Старое было настолько тонким, что в нем были небольшие дырочки, но оно все равно было выстирано до чистоты.

Самым солидным предметом мебели в комнате была кровать. Лежа на ней, Цин Янь заметил, что это была резная кровать с балдахином. Хотя она и была старой и не такой роскошной и сложной, как те, что он видел в музеях, она все равно стоила немалых денег, судя по воспоминаниям прежнего владельца. Эта кровать не вписывалась в остальную обстановку комнаты, и, скорее всего, ее купили специально для свадьбы.

Постельные принадлежности на кровати тоже были новыми. Хотя покрывало было не из шелка, на красной ткани были вышиты изображения уток-мандаринок и лотосов, символизирующие гармонию и любовь. Эти вещи должны были идти в качестве приданого со стороны невесты, но мачеха не захотела тратить деньги на это и ограничилась лишь свадебным нарядом.

У Цю Хэняня не было родителей, а старый кузнец умер два года назад. В книге не было подробностей, и Цин Янь не знал, кто помогал с подготовкой свадьбы — возможно, он все устроил сам.

Цин Янь вышел из внутренней комнаты и прошел в помещение, где они завтракали утром. Оно было еще более простым, чем спальня. Внутри стояли две соединенные плиты с кастрюлями, на плите были расставлены банки с приправами и мелкие кухонные принадлежности. Рядом со стеной стоял шкаф для посуды и различных мелочей. В центре комнаты находился круглый стол, за которым они ели утром, а вокруг него стояли два стула.

С одной стороны плиты на полу стояла большая бочка, наполовину наполненная сухой кукурузой. Рядом находились две меньшие бочки, при открытии крышек которых распространились запахи соли и кислоты — это были соленья. Рядом лежало полмешка картофеля и несколько кочанов капусты с уже пожелтевшими и сухими листьями. С другой стороны были аккуратно сложены дрова, а рядом с ними лежала кучка черного угля.

В топке еще тлел уголь, а из чайника на плите доносился тихий свист, показывающий, что вода вот-вот закипит.

Цин Янь подошел к шкафу и поочередно открыл дверцы. Внутри было всего несколько пар посуды, а на верхних полках находился небольшой мешочек с рисом, наполовину полный мешок белой муки и немного круп, таких как просо и сорго.

Закрыв дверцы, Цин Янь прошел в соседнюю комнату, соединенную с внешней. Как только он вошел, его сразу же окутал специфический запах чернил.

Эта комната раньше принадлежала старому Кузнецу Вану, но после его смерти она осталась пустой. Внутри стояла деревянная кровать, на которой уже не было постельных принадлежностей — только голые доски.

У стены были сложены три старых лакированных сундука ярко-красного цвета. В центре комнаты находился длинный прямоугольный стол, на котором были расположены письменные принадлежности — кисти, тушь, бумага и чернильница.

Цин Янь подошел к столу и осмотрел его. Он удивился, обнаружив, что все эти вещи были новыми, несмотря на грубое качество бумаги, которая, тем не менее, вполне подходила для письма. Кисти висели на подставке, а чернильница была из синего фарфора с бело-синим узором, настолько красивым, что не вязалась с этой обстановкой. Единственной использованной вещью была чернильница, в которой оставались следы свежерастертой туши, издававшей легкий аромат чернил. Цин Янь инстинктивно потянулся к кисти, чтобы попробовать написать пару слов, но, вспомнив, насколько дорогой в этом мире была бумага, спохватился и убрал руку. Теперь деньги Цю Хэняня были и его деньгами, и он не хотел их тратить впустую.

Пока Цин Янь задумчиво смотрел на чернильницу, снаружи послышался стук в ворота. Он не успел ответить, как человек уже открыл дверь и вошел во двор.

Сквозь окно было видно силуэт, и Цин Янь поспешил, шаркая в обуви, выйти наружу.

Открыв дверь в переднюю комнату, он увидел стройного мужчину с бледной кожей. Тот был одет в старую серую хлопковую длинную одежду, поверх которой была новенькая зеленая безрукавка, подчеркивающая его невыразительное лицо и придающая ему некоторую утонченность. Хотя на улице светило солнце, температура оставалась низкой, и мужчина постоянно тер руки, чтобы согреться. Из рта выходили клубы белого пара. Увидев Цин Яня, он остановился, внимательно осмотрел его с ног до головы, задержав взгляд на слишком больших ботинках, а затем долго рассматривал грубую одежду, не подходящую по размеру, прежде чем наконец ухмыльнуться с непонятным выражением и сказать:

- Это, значит, новая невестка семьи Лао Ван? Я твой сосед с востока, зовут Чэнь Юй, - сказав это, он откровенно уставился на небрежно завязанные волосы Цин Яня.

Цин Янь остановил взгляд на лице этого человека, где рядом висели черные иероглифы: «Чэнь Юй, гер семьи Чжан». В этом мире было три пола: мужчины, женщины и «гер» (особый третий пол). Очевидно, Чэнь Юй был гером и уже женатым. Цин Янь, не осознавая, что сам теперь оказался в теле гера, с интересом рассматривал соседа, пока тот не начал чувствовать себя неловко и не откашлялся, чтобы привлечь внимание. Лишь тогда Цин Янь с неохотой отвел взгляд и посмотрел в направлении, куда указал Чэнь Юй. На противоположной стороне, за забором, стоял дом, не лучше их собственного, но аккуратно ухоженный. На внешних стенах висели связки сушеной кукурузы и красного перца, что добавляло яркие акценты и выглядело вполне привлекательно.

Цин Янь снова перевел взгляд на Чэнь Юя и одарил его лучезарной улыбкой, сказав:

- Моя фамилия Юй, зовут Юй Цин Янь.

Он улыбался так тепло и искренне, что даже пыльная, мешковатая одежда не могла скрыть его обаяние. Чэнь Юй почувствовал зависть, но прикрыл рот рукой, опустил глаза и с легким смехом сказал:

- Кто же не знает твоего имени? Об этом уже вся округа говорит!

Хотя на улице был полдень и солнце светило ярко, день оставался холодным. Цин Янь, обняв себя руками, весело спросил:

- Что же обо мне говорят? Я настолько известен?

Видя, что с ним сложно вести разговор, и что любые язвительные комментарии останутся без ответа, Чэнь Юй подавил желание закатить глаза и наконец перешел к делу:

- Твой муж дома? У нас сломалась мотыга, и он обещал помочь сделать новую. Интересно, готова ли она?

Цин Янь только вчера стал частью этой семьи и, конечно, не знал таких деталей. В его памяти ничего о Чэнь Юе не упоминалось, значит, он не был важной фигурой. Но поскольку это была возможность для дела, он не мог ее упустить, поэтому ответил:

- Мой муж вышел. Когда он вернется, я спрошу у него, и если мотыга готова, я принесу ее к вам.

Услышав, как Цин Янь назвал кузнеца «мужем», Чэнь Юй снова загадочно улыбнулся и, еще раз окинув его взглядом, лениво ответил:

- Хорошо, я тогда пойду домой ждать. Сейчас мотыга не нужна, земля не обрабатывается, но через месяц празднуем Новый год. Под снегом у нас закопана голова свиньи, ее нужно будет выкопать и сварить, так что попроси своего мужа поторопиться.

Цин Янь, чувствуя холод, быстро согласился, проводил Чэнь Юя до выхода и убедился, что тот вернулся к себе во двор и, улыбувшись на прощание, зашел в дом.

Как только Чэнь Юй скрылся за дверью, улыбка Цин Яня тут же померкла.

- Непонятно! — пробормотал он. Закончив с этим, он собрался вернуться в дом, но услышал, как кто-то окликнул его сзади. Обернувшись, он увидел женщину из соседнего двора, которая махала ему рукой через забор.

Цин Янь не помнил ее, но утренние яйца были настолько вкусными, что он и без имени знал, кто это. Подойдя, он широко улыбнулся и сказал:

- Вы, наверное, тетюшка Ли?

Тетя Ли выглядела на сорок-пятьдесят лет. Она была полноватой, с небольшим количеством морщин и светлой, почти прозрачной, кожей. Ее глаза были яркими и выразительными, а по современным меркам она выглядела как ухоженная дама из богатой семьи. Однако ее одежда была обычной, а руки выглядели грубыми, что делало ее похожей на обычных деревенских жителей.

Услышав, что ее узнали, глаза тети Ли засветились, и она с улыбкой сказала:

- Так значит, далан говорил тебе обо мне?

Цин Янь кивнул и не пожалел комплимента, подняв большой палец:

- Ваши яйца просто чудо!

Тетя Ли, заметив, какой красивый и искренний этот молодой человек, улыбнулась и сказала:

- Как только съедите их, приходите за новыми.

Цин Янь покачал головой:

- Вам и так трудно собирать яйца, а вы уже столько отдали нам. Мне неловко брать еще. Если нам снова понадобятся яйца, мы купим их у вас по рыночной цене.

Тетя Ли сказала:

- Мы ведь соседи, далан часто помогает мне, не стоит быть такими официальными.

Цин Янь все же не соглашался:

- Курицы ведь тоже едят корм, а каждое зернышко — это капля пота. Это не так просто, поэтому брать яйца просто так я не могу.

Тетя Ли поняла, что переубедить его невозможно, но выражение ее лица стало еще более добрым. Она сказала:

- Ну хорошо, раз ты так настаиваешь. Как только у нас вылупятся цыплята, подарю тебе несколько, чтобы ты мог сам их выращивать и собирать яйца. Так пойдет?

Цин Янь взглянул в ее двор и ответил:

- Тогда я буду приходить к вам каждый день и помогать прибирать двор.

Тетя Ли сдалась и, не удержавшись, через забор нежно ущипнула его за щеку со словами:

- Ах ты, ребенок!

После этого тетя Ли наклонилась к нему поближе и тихо сказала:

- Не обращай внимания на этого Чэнь Юя. Он видит, что далан добродушный и не придирчивый, и постоянно пытается воспользоваться этим. Никакого вознаграждения, все бесплатно — то мотыгу попросит сделать, то еще что-то. Совсем совесть потерял!

- Вот оно как, — задумчиво произнес Цин Янь.

Тетя Ли хлопнула себя по бедру и добавила:

- А то! На словах все «мы соседи, помогаем друг другу», а на деле он только получает помощь и ничего не дает взамен. Разве что принесет остатки своей кислой каши или объедков. Думает, что все кругом дураки.

Тетя Ли все больше заводилась, вспоминая свои обиды на Чэнь Юя. Цин Янь попытался ее успокоить:

- Тетушка, всему свое время. Такие люди рано или поздно получают по заслугам.

Она кивнула и вздохнула.

Обменявшись еще парой слов, они вернулись каждый в свой дом. Перед этим тетя Ли вручила Цин Яню кочан квашеной капусты. Он поблагодарил ее, прежде чем уйти домой.

Цин Янь был трудолюбивым и достаточно быстрым в делах. Он разделил и убрал капусту, увидел, что Цю Хэнянь все еще не вернулся, и решил подогреть оставшиеся с утра булочки, чтобы перекусить. Затем он постирал свою одежду и повесил ее сушиться. На улице было холодно, руки у него покраснели от мороза. Он хотел также постирать одежду Цю Хэняня, но не нашел ни одной грязной вещи, поэтому оставил эту идею.

Когда наступил вечер, Цю Хэнянь все еще не вернулся. Цин Янь начал готовить ужин.

В доме была квашеная капуста от тети Ли и картофель. Если бы было мясо, можно было бы приготовить тушеную капусту с мясом, а картофель в ней стал бы мягким, выпитал бы мясной сок и кислоту капусты, что сделало бы блюдо очень вкусным. Он снова порылся в шкафу и

нашел небольшую банку со смальцем. Пусть мяса и не было, но это тоже было неплохо.

С такими мыслями Цин Янь набрал ковшик кукурузных зерен, чтобы приготовить кукурузную кашу. Он решил сделать тушеную капусту на сале и разогреть утренние булочки. Капусты было много, так что даже двум взрослым мужчинам этого хватило бы, чтобы наесться досыта.

Цин Янь был сиротой, родители его давно умерли, а бабушка тоже ушла из жизни рано, поэтому он с юных лет жил самостоятельно. Приготовление еды не составляло для него труда, более того, можно сказать, что он в этом преуспел.

Планы его были весьма хороши, но иногда даже самые продуманные планы могут пойти наперекосяк.

Зимний вечер наступал быстро, и когда снаружи пробили шесть ударов, до его слуха донесся тяжелый, но чуть торопливый шаг. Чистя руки о грубый полотняный фартук, он собирался выйти навстречу, но тут с соседнего двора раздался голос тети Ли:

- Наконец-то далан вернулся! Твой супруг заждался тебя, выглядывал уже несколько раз!

Шаги замерли, а лицо Цин Яня тут же залилось краской. Он мысленно оправдывался: «Я ведь просто боялся, что еда остынет!»

Затем послышался низкий голос Цю Хэняня, но что именно он сказал, Цин Янь не расслышал. После этого тетя Ли вновь засмеялась и добавила:

- С женой все иначе: приходишь домой — и горячий ужин на столе. Я уже чувствую аромат ваших блюд.

На этот раз Цю Хэнянь подошел к самому входу, и Цин Янь услышал, как он ответил:

- Тетя Ли, заходите, поешьте с нами немного.

Сердце Цин Яня сжалось, но, услышав, что тетя Ли отказалась, сказав, что уже поужинала, он с облегчением выдохнул.

Когда разговоры между дворами утихли, дверь с легким скрипом открылась, и в проеме показалась высокая фигура, принеся с собой порыв холодного ветра. Цин Янь стоял в дверях, подняв голову и улыбаясь с особой теплотой.

- Хэнянь, ты вернулся. Давай ужинать! — сказал он.

Цю Хэнянь был в длинном халате, а на его плечах лежали снежинки. Цин Янь взглянул наружу и понял, что в какой-то момент незаметно начал идти снег.

Высокий мужчина коротко ответил: «Да», стряхнул снег с себя, положил небольшой узелок в комнату и, помыв руки, принялся вместе с Цин Янем раскладывать блюда и приборы, работая слаженно, хоть и иногда спотыкаясь.

За ужином Цин Янь никак не мог найти себе места. Когда Цю Хэнянь взял палочки, Цин Янь едва не подпрыгнул. Муж старался не смотреть на него в упор и редко поворачивал голову в его сторону, но невольно бросал взгляд пару раз.

Но когда он откусил от маньтоу и взял немного кислой капусты, его движения внезапно остановились.

Цин Янь вскочил, чуть не плача:

- Это моя вина, овощи подгорели, а кукурузная каша пропиталась дымом... Я зря перевел еду, накажи меня!

Цин Янь чувствовал себя особенно виноватым, ведь в его время продукты были по-настоящему ценны.

Цю Хэнянь, однако, прожевал немного, проглотил капусту и встал. Достал два яйца, и, умело разогрев масло в сковороде, приготовил яичницу.

Цин Янь был уверен, что Цю Хэнянь приготовил это для себя, но тот поставил блюдо перед ним и сказал:

- Ешь.

Затем он поднял чашку с кукурузной кашей, стал пить ее большими глотками, взял палочки и начал есть овощи, будто бы это была обычная еда.

Цин Янь был потрясен. Только он знал, что еда не только подгорела, но и была пересолена.

<http://bllate.org/book/13590/1205164>